

нынѣ дѣйствующаго уложенія разрѣшаетъ доказываніе оглашеннаго обстоятельства—и притомъ одними лишь письменными доказательствами—только тогда, когда оно касается служебной или общественной дѣятельности лица, занимающаго должность по опредѣленію отъ правительства или выборамъ. Проектъ комиссіи не устанавливаетъ подобныхъ ограниченій; онъ ограждаетъ отъ оглашенія и то не безусловно—только частную и семейную жизнь. Все, что не входитъ въ эту узкую область, становится доступнымъ для гласности; справедливость сказаннаго, написаннаго или напечатаннаго можетъ быть подтверждаема доказательствами всякаго рода, въ тѣхъ предѣлахъ, которые установлены вообще судебными уставами. Этого мало: оглашенное обстоятельство можетъ не быть доказано, можетъ быть даже опровергнуто—а огласившій его все-таки можетъ остаться свободнымъ отъ отвѣтственности, если только онъ докажетъ, что дѣйствовалъ добросовѣстно и не подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій. Правило, заключающееся во второмъ пунктѣ ст. 77, имѣетъ особую важность именно по отношенію къ печати. Редакторъ столичной газеты, помѣщающій у себя корреспонденцію изъ провинціи, почти никогда не можетъ быть убѣжденъ вполне въ достовѣрности фактовъ, сообщаемыхъ корреспондентомъ; онъ руководствуется, въ большинствѣ случаевъ, довѣріемъ къ личности корреспондента, предположеніемъ, что послѣдній не станетъ сочинять или искажать фактовъ, не станетъ передавать неизвѣстно откуда идущихъ, ничѣмъ не comprovированныхъ слуховъ. Корреспондентъ, въ свою очередь, не всегда говоритъ о томъ, что онъ самъ видѣлъ или слышалъ; при всей осторожности, при всемъ желаніи не уклоняться отъ правды, онъ можетъ быть введенъ въ заблужденіе и невольно ввести въ него редактора газеты. Призванные къ суду, они не будутъ имѣть возможности доказать сообщенное ими обстоятельство—но это не составляетъ еще достаточнаго повода къ ихъ осужденію, разъ что они ошиблись *bona fide*, разъ что они, по выраженію проекта, „имѣли разумное основаніе считать разглашенное обстоятельство достовѣрнымъ“. Весьма важенъ, съ другой стороны, мотивъ сообщенія, оказавшагося ошибочнымъ или неточнымъ. Если оно было сдѣлано безъ всякой серьезной цѣли, чтобы наполнить столбцы газеты, чтобы позабавить или заинтриговать ея читателей, то основаніе для наказуемости существуетъ, даже при отсутствіи сознательной, намеренной лжи со стороны автора сообщенія и редактора напечатавшей его газеты. Въ настоящее время снисходительность или строгость судебныхъ приговоровъ по дѣламъ о диффамачіи зависитъ, въ значительной степени, отъ общаго склада газеты, привлеченной къ суду; припомнимъ, напримѣръ, надѣлавшее много шума дѣло „Московского